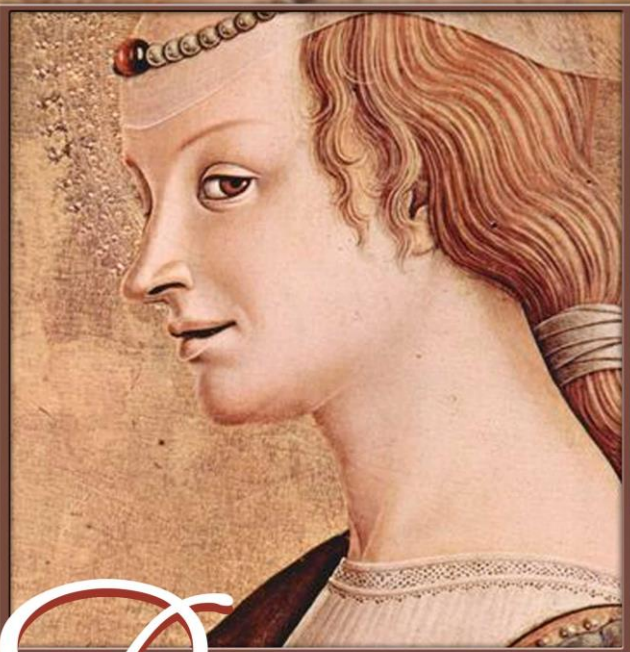

Мария
Антонова

Ангел
желания

Аннотация

Натали — французская аристократка, осиротевшая и чуть не погибшая в страшном кораблекрушении. Йен — могучий шотландский горец, для которого долг и честь — не пустой звук. Любовь между ними вспыхивает внезапно и вопреки всему. Хрупкая и нежная, как ангел, Натали еще не знает, что их любви предстоит преодолеть интриги, предательства и даже войну. Но это настоящая любовь, во имя которой рушатся любые преграды. Любовь, ради которой они готовы пожертвовать всем...

Мария Антонова

Ангел желания

Берега Шотландии 1499 год.

Природа разразилось такой бурей, подобной которой давно не видели древние скалы, надменно вззирающие за ходом времен. Ветер пригибал к мокрой земле стволы вековых шотландских дубов, а море казалось, хочет выйти из берегов и своими волнами поглотить непокорную землю. Именно эту ночь выбрал французский корабль, чтобы найти здесь последнее пристанище...

Глава 1

— Несите скорее факелы, — кричал Йен МакАрок, подбегая к краю обрыва, у подножия которого разбилось судно. Море все еще бесновалось, но теперь разрешало приблизиться к себе, а смелые молодые люди пытались найти выживших в этих темных водах.

Первое, что увидел Йен, был бесформенный темный мешок, державшийся за обломок мачты. Он бросился вытаскивать его из воды, мешок оказался полуживой старухой, которая из последних сил

указывала в море: — Она там, спасите мою девочку, — повторяла она как молитву.

Йен посмотрел, куда указывает женщина, но ничего не увидел. Он попытался вытащить ее из воды, но она только повторяла одну и ту же фразу, как одержимая, не переставая показывать на воду. Напрягая из последних сил зрение и борясь с дождем, мешавшим хоть что — то увидеть, он больше почувствовал, чем увидел качающийся на волнах предмет.

— Туда! — направил он лодку, — там что-то есть.

Подплыв к куску дерева, бывшего некогда частью палубы, Йен заметил маленькую ручку, вцепившуюся в него. Перегнувшись через борт лодки, мужчина без труда вытащил ребенка из воды.

— К берегу, — скомандовал он.

Только оказавшись на твердой земле, Йен сумел рассмотреть, что же такое выловил из бушующих вод. Перевернув маленькую фигурку на спину, он откинул капюшон и увидел личико в обрамлении светлых, спутанных волос, заметил, что губы ее начали синеть, но не это поразило его. Лицо девушки было поистине лицом ангела, не того, которого изображают в церкви на фреске, но того, что спускается с небес. Минуту Йен не мог ничего сделать, он только любовался этим

прекрасным личиком, осторожно и нежно убирал с него прилипшие волосы, ощущая под своими грубыми пальцами нежную девичью кожу, белую, будто слоновая кость. Из ступора его вывел Рэф, стукнув по плечу и спросив о чем-то. Вернувшись с небес на землю Йен понял, что должен попытаться вернуть жизнь этому сказочному существу.

Было так хорошо и спокойно, она плыла на мягком облаке, немного покачиваясь, но вдруг облако стало больно врезаться ей в спину, ничего не понимая Натали попыталась сообразить, что же такое случилось с ее нежной небесной периной и в голову пришла мысль: корабль. Точно, это было не облако, это были волны, они налетели на скалы и пошли ко дну, значит, теперь эти проклятые скалы решили напасть и на нее, как же несправедливо, им что недостаточно одного корабля, зачем-то понадобилось еще и она. Но скалы все не отступали, волны швыряли девушку на них, как тряпичную куклу, спина болела от повторяющихся ударов, и тут горло обожгло каленым железом. Она инстинктивно попробовала сделать вдох, но в легкие будто насыпали иглы, которые впивались при малейшей попытке вздохнуть, а голо продолжало жечь. Что же случилось с ней, откуда все это?

— Она дышит! — крикнул Йен, — давай же,

продолжай, — уговаривал он, выбивая из легких воду и освобождая место для воздуха, прислушиваясь к хрипам, вырывающимся из горла девушки вместо воды. Дышит, уже что то, но это только первый шаг на пути к спасению ее жизни. Милое личико нахмурилось, было видно, что любые попытки дышать сопровождаются жгучей болью, но она должна продолжать стараться, а Йен будет ей в этом помогать. И тут ее ресницы затрепетали, теперь проблемы с дыханием были уже у него, казалось стихия сжалилась над ней, но оставило навсегда свою отметку в этих глазах, цвета бушующего моря, таких же синих, как его пучина.

— Отец, — чуть слышно, одними губами, произнесла она, — папа..., — и эти прекрасные глаза закрылись.

Всего несколько секунд, а он уже тонул в глубине этих глаз, мечтая, чтобы они окутали его своим мягким теплом, и не отпускали больше никогда. Здесь, на берегу, у самой кромки воды, у него сложилось впечатление, что он дома, только заглянув в эти прекрасные глаза. Мужчина затряс головой, стараясь стряхнуть с себя наваждение, он не позволит ни одному взгляду так действовать на себя, сколь бы прекрасна не была его хозяйка, как бы не манили к себе эти глаза, обещая все наслаждения рая. Да что же это с ним такое, раньше

никогда ему в голову не приходили подобные мысли, ни одна девушка не могла, просто посмотрев так околдовать его, а эта маленькая ручка с белыми, длинными пальчиками, которые лежали в его смуглой руке. Ему вдруг нестерпимо захотелось прижать их к своей щеке, к губам, согреть своим дыханием. Согреть! Эта мысль вернула его к реальности, о которой он почти забыл, и опять же, никогда такого с ним не случилось. Что же сделала с ним эта малютка, как ей это удалось? То, что так долго пытались сделать другие женщины и потерпели так много неудач. Быть может это не ангел, а напротив, она демон — посланный похитить навеки его душу, и отобрать покой? Но все эти вопросы подождут, сейчас главное позаботиться о ней, о той единственной, о ком ему уже хотелось заботиться, о той, кого ему хотелось защищать, и Йен начал злиться на море, на волны, которые все еще могут забрать столь незнакомую, но уже такую дорогую ему жизнь.

Схватив девушку на руки Йен бросился к коню, стоявшему неподалеку, вместе с девушкой он легко запрыгнул на сильное животное и резко вогнав пятки в его бока поскакал к замку. Как же приятно было держать ее в своих объятиях, прижимать к груди, чувствовать ее теплое, чуть хриплое дыхание, как же была длинна и коротка одновременно дорога к замку, как хотелось ему

провести вечность, прижимая ее к себе, согревая своим теплом, такую беззащитную, такую хрупкую. Откуда у него вообще взялись такие мысли, он не знал, да и думать так было непривычно, но она и не была похожа ни на одну из виданных им женщин. Еще издали были видны огни замка, там никто не спал, готовились принять спасшихся с корабля.

— Мораг! — завопил он, — она жива, но, если не позаботиться — околеет.

Женщина поспешила на зов своего лэрда, но вместо того, чтобы вверить ее заботе девушку, он, не сбавляя шага, поднялся на второй этаж. Сама мысль о том, чтобы расстаться с ней, болезненно уколола его сердце. Йен понимал, что знахарка лучше позаботиться о незнакомке, но при одном взгляде на ее личико, только сильнее сжал объятия. Женщина следовала за ним, по ступеням, совершенно сбитая с толку таким поведением. Он ногой распахнул дверь в свою комнату и осторожно устроил девушку на кровати. Вытаскивая руку из-под ее спины, он видимо сделал ей больно, нежное личико слегка нахмурилось, а между бровей появилась морщинка. И снова эта игла в сердце, и снова борьба с собой за то, чтобы оставить ее. Не выдержав, он принялся разводить огонь в камине. Теплое одеяло — это хорошо, но воздух был немного прохладен, слишком сильно чувствовалось в нем дыханием ночи.

— Мне надо вернуться, — сказал он, обращаясь к знахарке, — там ее отец, надо узнать, жив ли он. Йен не отрывал свой взгляд от девушки, лежащей на его кровати. До этого момента, он действовал, не осознавая себя, им двигал страх за нее. Как же так получилось, что из всего замка, он выбрал для нее именно свою постель и свою комнату? У него не было ответа на этот вопрос. Мораг проследила за его взглядом и ответила, чем озадачила мужчину, ибо он уже забыл и о своих словах, и о присутствии в комнате кого бы то ни было, сейчас весь его мир был замкнут на этом маленьком беззащитном существе.

— Я позабочусь о ней, не волнуйся, ступай, делай, что должен, — ответила Мораг.

Бросив последний взгляд на девушку, Йен выбежал из комнаты. Только так он мог оставить ее, он сбежал. Первый раз в жизни он бежит и бежит не от врага, а от женщины, прекрасной малютки. Но сейчас она казалась ему страшнее самого черта, и если он не поторопится, то не сможет отойти от нее, по крайней мере, пока не будет уверен, что ее здоровью ничего не угрожает. Так мужчина уговаривал себя и на этом же с собой и согласился. А сейчас ему надо на воздух, чтобы проветрить голову, и как можно скорее.

Очень скоро Йен понял всю тяжесть своего

положения, так его тянуло к ней, так он боялся за ее жизнь, такую хрупкую, что единственным желанием стало быстрее вернуться к домой. Просто узнать, как его таинственная незнакомка, поправляется ли, отогрелась ли, вот единственное, что волновало его и с каждой минутой это волнение становилось все сильнее. Быстро вернуться к ней ему все не удавалось, часом позже из воды выловили безжизненное тело мужчины в дорогой одежде, и стало понятно, что отца девушка потеряла. Старуха, что так пыталась спасти жизнь девушки — выжила, так же выжило и несколько сопровождавших господ слуг, их всех отвезли в замок. Йен хотел, как можно скорее вернуться домой и справиться о самочувствии девушки, узнать, не напрасны ли были его старания, и не привиделись ли ему эти синие глаза, преследовавшие его всю оставшуюся ночь.

Войдя в теплую комнату он как будто оставил все свои волнения за порогом. Вот она, вот где он мечтал быть. Может не стоит с собой бороться, хотя бы сегодня? Это была очень трудная ночь, они отобрали у стихии много жизней, и еще больше потеряли. Он так устал воевать и на сегодня, только на сегодня готов сдаться. Шотландцы не сдаются, тем более без боя, но это правило не распространяется на вытщенных из воды полуживых, красавиц.

— Как она? — спросил он Мораг.

— Я растерла ее мазью и напоила отваром, но все равно началась лихорадка, теперь только время покажет, выживет ли она.

Йен посмотрел на кровать, там под лисьей шкурой лежал его ангел. Да, это несомненно был ангел, и как ему могло прийти в голову другое. Лицо у девушки было очень бледное, почти безжизненное, на лбу выступила испарина, а белокурые волосы разметались по подушке, в отблесках огня они казались жидким золотом, обрамляющим ее хрупкое тело. Йен присел рядом с кроватью и вытащил из — под шкуры тонкую белую ручку, она не может умереть, только не после того взгляда, который бросила на него, только не теперь.

Глава 2

Прошло еще долгих, три дня, прежде чем лихорадка отступила. Йен же тем временем узнал, кто была его таинственная гостья. Натали Думас была единственной дочерью барона Пьера Думаса, погибшего в ту роковую ночь. Но все это было ему безразлично, три ночи он не отходил от ее постели и когда наутро четвертого дня девушки начала

приходить в себя, он уснул рядом с ней, сидя на дубовом стуле и склонив голову на постель.

Натали не могла понять, что происходит, и почему ей так тяжело открыть глаза, а справившись с этой задачей, увидела каменные стены и низкий потолок. Повернув голову в сторону света, пробивающегося сквозь неплотно закрытые ставни, она не поняла, восходит солнце или заходит. Окно было высокое и небольшое, по левую руку от нее, а воздух, пробирающийся в комнату, вместе со скуными лучами солнечного света, был наполнен морозной свежестью. Тяжело вздохнув, она попыталась припомнить, как здесь оказалась, но последнее ее воспоминание было лишь о холодном бушующем море. Страх сковал ее грудь, мешая дышать, кровь начала стучать в ушах, а во рту пересохло. Как она смогла выбраться из воды? Где отец и остальные? Паника быстро овладевала ее рассудком и стала еще сильнее от осознания, что в комнате она находится не одна. Быстро оглядевшись, девушка увидела стены из темно-серого камня, такой же потолок и пол, словно это была пещера, вырубленная в скале, но кладка говорила о рукотворности данного помещения. Сбоку от кровати, по правую руку от девушки, находился ярко горящий камин, слегка почерневший от игры пламени. Рядом с ним — массивное кресло с низкой спинкой, и невысокая

подставка для ног. После камина шла дверь, широкая, с арочным проемом, как будто великан, живущий здесь, несколько раз задевал головой о притолоку. Напротив кровати располагался большой шкаф, а в изножье кровати сундук. Посмотрев рядом с собой, девушка, непроизвольно вскрикнула, но изо рта вышел еле различимый хрип. А когда, она попыталась прижать руки к безжалостно болевшему горлу, оказалась, что одна придавлена головой незнакомца, примостившегося рядом, и видимо спящего. Натали испугалась, что все это разбудит незнакомца, но он продолжал спать, а мирное, тяжелое дыхание доказывало это лучше всего. На густых каштановых волосах играли солнечные зайчики, и ей очень захотелось дотронуться до них и узнать такие ли они мягкие, как кажутся. Осторожно вытащив ручку, она кончиками пальцев смахнула непослушные пряди с лица мужчины, пряди были мягкими на ощупь, но не шелковистые, а скорее похожие на бархат, тяжелые и плотные. Глаза его были закрыты, но лицо оставалось серьезным, глубокая морщинка между бровей не разгладилась даже во время сна, рот крепко сжат, и складывалось впечатление, что он не спит, а всего лишь прикрыл глаза под тяжестью своих дум. Девушке понравились темно — русые, густые брови, почти черное кружево ресниц. Разглядывая лицо незнакомца, она

неосознанно продолжала играть с его локоном, накручивая на пальцы. Опомнившись, девушка смутилась и постаралась отодвинуться подальше от человека, не потревожив его сон, но как только начала шевелиться, мужчина открыл глаза, тяжелый взгляд опустился на нее, и был почти осязаем, карие с золотыми искорками глаза очень внимательно изучали ее. Этот взгляд говорил, что человек находящийся рядом с ней сильно устал, даже измотан, что он только недавно задремал, тяжелые тени залегли под прекрасными, и выразительными глазами. Но самое удивительное, в этом взгляде мелькнуло облегчение и что-то такое, чего она никак не ожидала увидеть, — это были забота и теплота. Он переживал за нее, этот суровый мужчина, который даже во сне не может позволить себе расслабиться, по какой-то необъяснимой причине за нее волновался. Морщинка между бровей стала заметно меньше и лицо потеплело, а взгляд перестал давить на девушку.

— Здравствуйте, — прохрипела она, — кто вы и где я? — попыталась выговорить девушка. Мужчина же только продолжал смотреть на нее, ничего не говоря, это пугало и сбивало с толку, и если сначала она решила, что поступок незнакомца совершенно бескорыстен, то теперь в ее сердце начало зарождаться сомнение. Натали плотнее

укуталась в лисью шкуру и попробовала сесть, немедленно осознав, что на ней ничего нет. Расширившимися от ужаса глазами она уставилась на мужчину, который полусидел на той же кровати. Слабость не давала ей возможности вскочить с постели и в одной шкуре попытаться убежать или хотя бы увеличить расстояние между ними. Как так получилось? Он что, принес ее в свой дом, раздел и теперь, когда она очнулась, какая участь ее ожидает? Может пучина была на самое плохое, что могло с ней случиться?

Йен не мог произнести ни слова, его затягивал омут синих глаз, один взгляд на которые — и он не может ни дышать, ни думать, ни тем более говорить. Но незнакомка видимо, о чем — то его спросила и не получив ответа решила сесть. Подскочив, как ошпаренный он попытался вернуть ее обратно. Схватив своими загорелыми руками бледные девичьи плечи, он начал придавливать ее к постели.

— Вы еще слишком слабы, вам нужно лежать, — смог выдавить он из себя, но только усугубил положение, ее глаза стали еще больше и в них начал плескаться неподдельный ужас. С высоты своего исполинского роста, он смотрел на миниатюрную девушку, словно куколку, вырезанную из слоновой кости и пытался как-то успокоить. Господи, если бы это был враг на поле

боя, он непременно обрадовался бы произведенному эффекту, но сейчас нужно не обращать в бегство, а наоборот расположить к себе, завоевать доверие, а эта наука была ему неведома. Что — то Мораг говорила насчет нежности, улыбки. Йен затряс головой, пытаясь избавиться от наваждения ее глаз и хоть немного сосредоточиться.

— Я Йен МакАрок из клана МакАроков, мы нашли вас три дня тому назад в море, ваш корабль разбился о скалы. Вы помните кто вы? — Спросил он и перестал вжимать девушку в кровать.

Натали не поняла ни слова сказанного им, за исключением имени.

— Я Натали Думас, я плыла на корабле, который попал в бурю, — сказала девушка по-английски, — мы плыли из Франции в Англию с моим отцом и няней. Вы знаете, где они? Удалось ли им спастись?

— Сожалею, — ответил он так же по-английски, — но вашего отца спасти не удалось.

Гримаса боли исказила ее лицо. Эти глаза, эти два синих океана, наполнила такая боль и тоска, что у Йена сжалось сердце, ему захотелось как-то утешить девушку, сделать что угодно, чтобы облегчить ее боль, но он понимал, что это не в его силах.

— Ваша няня цела, мы нашли ее, и она

помогла нам обнаружить вас. Мы также спасли еще несколько человек из вашей свиты. Я сейчас позову Мораг, вам надо поесть, чтобы набраться сил, мы не знали, выживите вы или нет, и я скажу, что бы принесли платье для вас, — сказал он, подойдя к двери и обернувшись еще раз посмотрел на девушку. Все, что он мог сделать для нее — это оставить одну. Если она заплачет, он не вынесет этой влаги, а что — то ему подсказывало, что именно так и будет. Для таких утешений он плохая кандидатура, он пришлет Мораг и уж она то как женщина женщине сможет помочь Натали.

После того как за ним закрылась дверь на глаза Натали навернулись слезы. Она ехала с подарками на свадьбу двоюродной сестры, а попала на похороны отца. После смерти матери ее семьей был отец, что же теперь делать, как дальше жить без него? Сердце защемило, ей не хватало воздуха. Отца нет, она вдалеке от дома, в незнакомых краях, с чужими людьми и не знает, можно ли доверять им. А этот странный, но безусловно красивый мужчина? Кто же он такой, зачем спас ее, зачем привез в свой дом, зачем это все, если теперь нет отца? Натали пыталась отогнать малодушные мысли о бессмысленности своей жизни без него. Отец был ее жизнью, она заботилась о нем, безмерно любила и была предана только ему. Они шли по этой жизни вдвоем и все невзгоды, и

радости встречали вместе. Сперва ее оставила мама, а теперь и папа, который клялся, что никогда не бросит. Рыдания душили, стискивали грудь железными цепями, не давая перевести дух, горло саднило, сил не осталось кричать и только тихие, молчаливые слезы текли по ее щекам. Когда дверь снова отворилась в комнату вошла старая женщина. На ней было традиционное шотландское платье темно-зеленого цвета, сама она была невысокой, плотной, но не толстой, а скорее сбитой. Женщина привычно сутулила плечи, будто уже с порога была готова нагнуться. Темно-каштановые волосы были убраны в тугий пучок на затылке, из которого уже успела выбиться непослушная прядь. Натали подумала, что в бытность молодой, эта женщина должна была пользоваться успехом у мужчин. Ее большие миндалевидные глаза теплого шоколадного оттенка смотрели с добротой и состраданием, высокие скулы подчеркивали прямой нос и чуть пухлые губы. Что — то в ее внешности было экзотичное, видимо не все ее родственники были шотландцами. Приятно улыбнувшись, она представилась: — я Мораг, дитя мое. Надень вот это, и я позабочусь, чтобы тебя покормили. И может быть смогу немного развеять твою печаль, смотри, кто рвется к тебе уже несколько дней.

Отойдя в сторону, она открыла дверь шире, и в комнату влетела Мод, не переставая причитать,

как же так получилось, что ее маленькая девочка так долго заставляла ее волноваться. Натали прильнула к большой груди няни и слезы потекли с новой силой. Старая женщина подобрала юбки и с трудом устроилась рядом на кровати, пока Натали плакала у нее на груди, как в детстве, когда падала и ударялась, как в юности, когда умерла ее любимая лошадь, и вот сейчас, когда не стало ее отца. Мод тоже любила своего господина, его невозможно было не любить, у него было огромное сердце. Даже несмотря на то, что большая его часть принадлежала его единственной дочери, оставшейся части хватало на всех, кто его окружал. Он был честным и справедливым, но также мудрым и расчетливым. Мод надеялась, что, когда ее девочка выплачет свое горе, она сможет оценить ситуацию, в которую они попали. Умом и рассудительностью она пошла в отца, а значит, у нее не так много осталось времени на скорбь. Жизнь продолжается и это надо понять, как можно быстрее.

— Ну-ну, будет, моя девочка, — говорила Мод и нежно гладила Натали по голове и плечам, пока ту сотрясали рыдания, — ты жива, а это самое главное.

Через некоторое время в комнату внесли стол, расставили на нем еду, и Мод постаралась уговорить Натали хоть что-то скушать и за едой

обсудить, как поступить дальше.

— Ты уже видела Йена? — поинтересовалась Мод, наблюдая за реакцией подопечной.

— Да, он был в комнате, когда я проснулась. — Ответила она и потупилась.

— Не мудрено, он все дни напролет не отходил от тебя и никого не пускал кроме Мораг. И то только для того, чтобы напоить тебя отваром. А когда я сказала, что не гоже мужчине находиться в одной комнате с незамужней девицей, он одарил меня таким взглядом, что мне пришлось уступить. — Сказала она, поджав губы. Этот огромный, суровый мужчина, которого уважал, но побаивался весь его клан, на три дня сделался сиделкой при постели больной. И сейчас, вспоминая как он бережно и благоговейно обращался с Натали, не могла сдержать улыбки. Бедный парень, если он потерял покой всего лишь увидев ее, что же будет, дальше?

— Кто он? — спросила Натали.

— Он глава этого клана. Мы с тобой в Шотландии, в его замке. Йен со своими людьми спас нас в бурю и привез выхаживать к себе. Ну а теперь надо думать, что нам с тобой делать. Отца уже не вернешь, а значит, как только о его кончине станет известно, ты перейдешь под опеку твоего двоюродного дядюшки Генри. И это еще одна нехорошая новость для нас.

И без того бледное лицо Натали, казалось, потеряло остатки красок.

— Может он не узнает? — с сомнением проговорила она.

— Конечно, как же ему узнать, если через неделю вы и ваш батюшка должны присутствовать на свадьбе одной из его дочерей? — съязвила Мод, — давайте лучше думать, как уберечь вас от его посягательств!

Лорд Генри Чатерс давно просил Пьера выдать дочь за своего сына, чтобы укрепить родственные связи и попутно расширить свои земли за счет богатого приданого невесты. Но отец Натали, зная, что двоюродный брат его безвременно ушедшей жены человек бесчестный и алчный, всеми силами старался не допустить этого брака. В жизни Пьера была только одна слабость — его дочь, для нее он готов был пойти на что угодно. Одна только мысль, что его девочка может попасть в дом к Чатерсу, приводила старика в ужас. Натали росла тихим и спокойным ребенком, отца она только радовала. Она получила прекрасное образование, считавшееся ненужным для женщины. Девушка умела читать и считать, знала, как управляться со своими имениями и могла дать отчет о состоянии дел, доходах и расходах на их содержание. Она училась музыке, пела и играла на клавинофордах, чем безумно радовала отца. Барон

Думас часто брал дочь на охоту, и эта забава доставляла ей истинное удовольствие. Девушка обожала конные прогулки, однако отец нередко был против ее забав, когда она наперегонки скакала с рыцарями ее охраняющими, и часто оставляла их далеко позади. И вот на свадьбе в доме Чатерс Пьер опять был готов выдержать сражение и не отдать свою малышку дальнему родственнику, но теперь все резко изменилось.

— Пока никто ничего не знает, и надо подумать, как бы все правильно преподнести, — задумчиво прошептала Мод, — но об этом еще будет время поразмыслить получше, а пока тебе надо как следует покушать и набраться сил.

— Ах, Мод, — печально промолвила Натали, — если бы был жив отец, он бы что-нибудь придумал, помог бы выйти из этого положения.

— Ничего, ничего, ты и сама умненькая, справишься. У нас есть еще несколько дней что бы все хорошенько обдумать. — Не успела Мод закончить фразу, как лицо Натали изменилось, она всегда старалась быть ответственной, никогда не боялась трудностей. Однажды няня не выдержала и упрекнула ее в этом, на что еще совсем молодая воспитанница ответила, что на самом деле она очень и очень всего боится и хочет только спрятаться от всех трудностей. Но не может расстраивать отца, поэтому будет сильная и никому

не покажет, насколько ей это тяжело. И только Мод, да еще пара слуг знали, каким трудом дается это их маленькой госпоже. И вот сейчас надо было сыграть на этом. После смерти отца ничего не должно было измениться, она все равно не может его расстроить, а значит возьмет себя в руки и что-нибудь придумает. По мере того, как лицо Натали превращалось из скорбного в задумчивое, Мод отпускала тревога. Теперь все будет хорошо, ее девочка не допустит, чтобы все надежды отца пошли прахом.

Больше они не разговаривали, принялись за еду, а спустя некоторое время в дверь постучали, и не дожидаясь ответа на пороге возник Йен.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился он, присаживаясь к столу.

— Уже намного лучше, — со слабой улыбкой ответила Натали, — мы благодарим вас за наше спасение и за гостеприимство тоже.

— Я надеюсь, Вы не откажитесь прогуляться со мной после еды. Погода стоит очень теплая для этого времени года и свежий воздух пойдет Вам на пользу.

— С радостью, — ответила Натали и заметила, что суровая складка между бровей покинула его лицо.

Мораг дала Натали простое платье, которое носили все женщины клана. Наряд был немного

странный, состоящий из нижнего длинного платья, верхнего, чуть короче и пояса, которым женщина, умело перехватила ее узкую талию. Однако для прогулки на свежем воздухе этого было явно маловато, но закутавшись в предложенный Йеном плед цветов МакАроков, Натали почувствовала себя на удивление уютно. На улице был погожий, солнечный день. Море успокоилось, и погода стояла просто прекрасная для начала октября. Спустившись с Йеном на первый этаж замка, девушка увидела большой зал с камином и гобеленами. Потолок здесь был намного выше, а под ним, в самом верху висело несколько люстр, так что при желании, в зале могло стать светло как днем. Сейчас же света было немного. Стрельчатые окна были почти закрыты ставнями, так что основным источником света становился огромный камин, горевший сейчас даже не в пол силы. По исполинским размерам помещения можно было судить и о застольях, устраиваемых здесь прежде. В жерло этого огнедышащего зверя, мог поместиться маленький бычок, или гигантских размеров кабан. Над камином висели перекрещенные боевые топоры, оружие было развешено по всем стенам, где не было гобеленов. Искусной вытканые гобелены изображали сцены охоты или лесные пейзажи. Залюбовавшись ими Натали захотела проверить, так ли прекрасны здешние места, как

изображены на полотнах. По периметру всего зала шел балкон, лестница на который пряталась в небольшой нише за одним из гобеленов. С балкона можно было попасть в комнаты, одну из которых теперь занимала девушка. Также оттуда шла еще одна лестница, судя по крутым ступеням и неширокому проходу, ведущая в башню. В зале у камина стояло несколько дубовых кресел с низкими спинками, как в комнате у девушки, и три кресла с большими резными спинками и широкими подлокотниками. Тяжелые длинные столы были расставлены по периметру зала и около них громоздились такие же длинные лавки. У огня сидело несколько человек — четверо мужчин и девушка. Все они подняли голову, когда Натали вошла в комнату. Йен представил ей своих младших братьев: Тэма, Лаэга, Аотхэгена, Гавина и единственную сестру Давину. Все представленные мужчины были высокими и широкими в плечах, у всех волосы были русые. У Тэма они были очень светлые, можно было сказать, что он почти блондин, с голубыми, как весеннее небо глазами. У Аотхэгена больше отдавали в рыжину, и задорно вились, ложась на плечи беспорядочными кудряшками, а светло карие, почти как у Йена глаза мерцали зелеными огоньками, как будто не могли полностью определиться, какого цвета им хочется быть. Гавин был темнее всех, темно-русый цвет его

волос перекликался с темно-карим, почти черным цветом его глаз. Лаэг же был обладателем почти каштановых волос, чуть ниже плеч, которые вились сильнее чем у Йена, но меньше чем у Аотхегена. Глаза же были карие, почти такого же темно-шоколадного цвета, как у Гавина, но чуть разбавленные золотым. Братья были такие разные, но, когда они улыбнулись гостье, Натали обнаружила явное семейное сходство. Даже хмурый Гавин одарил Натали прекрасной, открытой улыбкой. Но ярче всех улыбалась единственная присутствующая девушка. Высокая, стройная, с копной темно-рыжих, отдающих больше в красноту волос, и с неправдоподобными темно-зелеными глазами. Все эти огромные люди, казалось, нависали над девушкой, отчего ей даже стало трудно дышать. Но их улыбки, у кого сдержанные, у кого просто приветливые, у кого задорные, приободрили ее и Натали сама не заметила, как улыбнулась в ответ. Пока Йен знакомил своих родных с их гостьей, в зал вошел Рэф и поцеловав Натали руку лукаво подмигнул, от чего напряжение у нее немного спало, а плечи Йена напряглись. Подобная выходка старого шотландца явно ему не понравилась. Рэф был такого же громадного роста, как и все остальные, но еще шире в плечах. С ним мог сравниться разве что Йен, но даже он немного не дотягивал. Лицо старика

пересекал огромный шрам, который начинался над левой бровью, вился по переносице к правой щеке и уходил по ней на шею. Девушка не могла отвести глаз от этого безобразного рубца, но его обладатель, похоже ни капли не смущался, напротив, носил его словно украшение. Заметив столь пристальный взгляд, он без обиняков спросил:

— Что, нравится?

— Простите, — смутилась девушка и наконец — то смогла отвести глаза.

— Смотри, смотри лапонька, эту красоту подарил мне сам Морей Броукин, славная была заварушка, — мечтательно сказал он, — мы гордимся своими шрамами, лапонька, они делают нас мужчинами! — Светло-карие глаза шотландца смотрели на Натали с явным интересом, отчего ей очень хотелось покраснеть, но она сама не понимала почему. Его густые, каштановые волосы, спадавшие на плечи, были как будто посыпаны солью, в них тонкими нитями белела седина. От этого грозный воин становился не таким страшным, но еще более мужественным. Лицо его, кроме шрама, избороздило множество морщин, и казались совершенно неуместными на нем по — юношески задорные глаза. Они как будто еще вчера смотрели с восторженного лица мальчишки.

В большом зале все задержались ненадолго.

Родные Йена оказались очень приятными людьми, однако хрупкой француженке было немного боязно находиться в одном помещении с этими великанами, которые нависали над ней, словно башни. Но не только рост мешал восприятию девушки, у всех мужчин были голые ноги. Конечно, Натали знала об этой особенности шотландской одежды. Она видела уже своего спасителя в плече, но, лицезреть столько полуголых мужчин одновременно было для нее удивительно. Оставив семью, Йен повел девушку осмотреть замок. Там было два двора: внутренний, в котором располагался дом, где жил Йен, с братьями и сестрой; дома для воинов и их семей, а также небольшая часовенка. Во внешнем дворе были хозяйственные постройки и также жили члены клана. Йен знал всех по именам. Проходя по своим владениям, он попутно знакомил Натали со своими людьми. Буквально через полчаса голова у нее пошла кругом. Сложно было запомнить все имена и прозвища, и она была рада небольшой передышке. Присев у пруда за каменной стеной, девушке удалось немного передохнуть и получше рассмотреть своего спутника. Йен был широк в плечах, временами его полотняная рубашка натягивалась, обрисовывая могучую грудь, а из-под плеча были видны сильные ноги. Он был очень привлекательным мужчиной, хотя его нельзя было

назвать красавцем. У него были неправильные черты лица: широкие скулы, крупный нос, видимо несколько раз сломанным в битвах, нахмуренные брови и глубоко посаженные глаза. Но была во всем облике огромная притягательность. Этот человек излучал уверенность и силу. Его глаза, с длинными и густыми ресницами, лучились теплом, а на квадратной челюсти в достаточно длинной щетине был виден чувственный рот. И конечно эти густые, спадающие на плечи волосы. Именно они с самого начала привлекли ее внимание.

— О чем ты задумалась? — спросил он.

— О многом, — уклончиво ответила девушка, переведя взгляд на подол своего платья, и стала разглаживать невидимые складки.

— Могу я чем-нибудь помочь тебе?

— Ты и так мне помог, благодаря тебе я жива, — горько смеясь, ответила девушка.

— Нет, ты понимаешь, о чем я, — спокойно возразил он.

— Все хорошо, просто мне надо понять, как теперь жить дальше, — ответила она, переведя взгляд на зеркальную гладь озера.

— Расскажи мне о себе, — неожиданно попросил Йен.

— Что ты хочешь узнать? — спросила девушка, посмотрев на него.

— Откуда у тебя такие глаза, — словно под

гипнозом ответил Йен.

— От мамы, — на этот раз искренне рассмеявшись, ответила Натали, — она была настоящая красавица, как говорит папа, и я многое унаследовала от нее, так все говорят. Мы очень похожи, только она намного красивее меня. — Улыбнулась девушка, а Йен не поверил в последние слова, хотя сама она видимо так и считала.

— А что с ней?

— Она умерла при родах, и мы с папой остались вдвоем, — печально сказала она, — а теперь и его нет.

— Прости, не хотел напоминать. У тебя есть братья или сестры?

— Нет, родных нет, но есть мамин двоюродный брат, теперь видимо я буду на его попечении. Мы с папой как раз ехали на свадьбу моей кузины, когда все это произошло. — Натали совсем погрузилась в мысли, и на ее прекрасные ясные глаза навернулись слезы, повисли на неправдоподобно длинных ресницах. Не отдавая себе отчета, Йен смахнул эти маленькие хрусталики, а потом сжал руку девушки в молчаливом призыве быть сильнее. И как ни странно, это помогло, было, такое ощущение, что она черпает силы из этого могучего воина, что его уверенность и спокойствие перетекает в нее и она немного расслабилась, а на душе стало светлее и легче. Так они и сидели

ничего друг — другу, не говоря и понимая все без слов. Этот огромный, суровый шотландец и маленькая, хрупкая француженка были сейчас ближе всех остальных людей на земле.

— Пойдем, начинает темнеть и скоро похолодает, а в замке уже накрывают на стол, — сказал Йен, чем вывел ее из задумчивости.

— Пойдем, — сразу же согласилась она, и на секунду заколебалась.

— Что такое? — Спросил Йен, почувствовав ее сомнения.

— Ты можешь показать, где могила моего отца, — попросила она.

Йен видел, каких трудов стоит ей эта просьба, взгляд был направлен в землю, как будто там были ответы на все ее вопросы. Он протянул руку, и медленно поднял ее за подбородок, пока их глаза не встретились.

— Ты правда этого хочешь? Сейчас?

— Да, — тихо прошептала девушка.

— Если ты действительно в этом уверена, тогда я покажу дорогу.

И они направились к лесу, обходя замок по тропинке. Спустившись с небольшого холма, Натали увидела старое кладбище. Оно было расположено на плато, и с одной стороны кончалось обрывом, о скалы которого внизу с грохотом разбивались волны, а с другой стороны

ограничивалось подступившим вплотную лесом. Чувствуя скорую зиму, деревья начали свои приготовления, и сияли в лучах заходящего солнца янтарем, множеством оттенков красного и зеленого. Их разноцветными кронами играл легкий ветерок. Не все деревья успели сбросить свои пестрые одежды полностью, но достаточно облетели, чтобы укрыть землю ярким цветным узором, местами перемешанным с опавшими сосновыми иголками. Но неожиданно, сменив настроение, ветер качнул толстые ветви дубов и перед ошеломленным взором девушки предстал золотой дождь. Как будто деревья плакали драгоценными слезами солнечного света, обрамленными багрянцем. Залюбовавшись красотой этого момента, Натали улыбнулась природе. На душе стало теплее. Она заметила куст дикой розы темно — рубинового цвета с легкими изумрудными подпалинами. Стоящий рядом молодой ясень, горевший изнутри золотым, менял цвет на кроваво — алый, как будто пламя питающее его остывая темнело. Теперь девушка поняла, что красота того гобелена, что так понравился ей в большом зале, запечатлела именно это время года. Основательность величественных дубов, царственность кленов, с их причудливыми листьями и заоблачность высоких, стройных, вечнозеленых сосен с золотисто-коричневой, слегка рыжеватой корой, взирающих с высокомерным

безразличием на мир, простирающийся у их корней. Единственное, чего не мог передать гобелен, и чем так щедро хвасталась натура — это сладкий, почти приторный запах яблок. Видимо где-то рядом был яблоневый сад, и сейчас опавшие плоды начинали подгнивать, наполняя воздух теплым, густым, сладковато — терпким ароматом. Натали сделала глубокий вдох, чтобы впитать в себя все это великолепиие, и смело шагнуть туда, где ждала ее боль потери.

— Мы похоронили его со всеми почестями, — сказал Йен, неверно истолковав ее вздох, — если хочешь, я могу оставить тебя на пару минут одну.

— Да, это было бы прекрасно, — ответила она по — французски, сама, не заметив, что перешла на родной язык. Спутник ее обо всем догадался и тихонько отошел в сторону, предоставив девушке побыть одной. Еще не успело стемнеть, как Натали вернулась к ожидавшему ее мужчине. На лице девушки опять отражалось молчаливое страдание. Она изо всех сил пыталась не показать этого, сдержаться, быть сильной, но эти эмоции так ясно читались на лице, словно в открытой книге. И снова Йен не знал, как поступить, чем утешить девушку в ее скорби. Плечи Натали ссутулились, хотя голову она держала высоко, будто хотела доказать всем, что выдержит. Но как ему по-мужски не хотелось взваливать на эти хрупкие плечики такой груз. Не

найдя лучшего решения, мужчина слегка приобнял ее. Дальнейшее стало полной неожиданностью для них обоих, Натали ответила на его жест и прижалась к могучей груди воина, как совсем недавно к груди Мод. Йен слегка поглаживал девушку по спине, пока ее сотрясали безмолвные рыдания. В нем боролись противоречивые чувства, с одной стороны, безумное желание защитить ее от всех бед и невзгод, и чтобы больше никогда не видеть слез в этих прекрасных глазах, а с другой, он был просто счастлив держать хрупкий девичий стан в своих объятиях. Постепенно мужчина расслабился и даже начал наслаждаться этим моментом их первой близости, пока Натали заливала его рубаху солеными слезами. Ее руки, сложенные в кулачки на его широкой груди, со временем разжались, и ладонка легла на мускулистый живот, а потом потянулась к талии, обвиваясь вокруг нее. Девушка явно не отдавала себе в этом отчета, ей просто нужно было держаться за кого — то, чтобы не сгинуть в пучине страдания, а кто как ни он, может помочь ей выплыть. Один раз Йен уже не дал ей захлебнуться, сможет сделать это и снова. И не важно, вода это или горе, он будет ее опорой до тех пор, пока она пожелает. Они еще долго так стояли, обнимая друг — друга, но все заканчивается, в том числе и слезы. Когда они были выплаканы, а горе немножко

излито, молодые люди смогли направиться к замку. Натали так и не заметила, что рука Йена все еще обнимает ее, а он не стал отпустить девушку, из опасения, что, если ослабит объятия, ноги могут ее подвести.

За обедом Йен усадил Натали рядом с собой, чем чрезвычайно удивил своих домочадцев, и вызвал целую кучу не очень тонких замечаний и шпилек в свой адрес. После еды Лаэг начал играть на флейте и петь, под радостные крики и одобрительные похлопывания.

— А ты поешь, Натали? — спросил Аотхэген.

— Дома я иногда пела и играла на клавикордах, — смущаясь, ответила девушка.

— А знаешь ли ты хоть одну шотландскую песню? — задорно осведомился Гавин.

— К сожалению, нет, — честно ответила она, — до этого момента, я никогда не была в Шотландии.

— Ну так мы тебя быстро научим, — ответил Тэм, отобрал у брата флейту и начал наигрывать веселый мотив, а все собравшиеся — подпевать.

— Это старинная шотландская песня, — пояснил Йен, — в ней рассказывается о лесной нимфе, которая встретила смелого война и полюбила его. — И снова взглянул в эти бездонные, сапфировые глаза. Натали глядела на него в ответ, воздух между ними начал сгущаться, как перед

грозой и казалось, еще чуть-чуть и появятся молнии.

— Какой красивый язык и мелодия тоже, это гаэльский? — Йен кивнул, он не доверял своему голосу, между тем, и сама Натали говорила на октаву выше, чем ей было свойственно. Они так и смотрели бы друг на друга, если бы не подошел Аотхэген, схватил девушку за руку и потащил танцевать, показывая движения народного танца. Против воли Натали начала танцевать, и была искренне благодарна за попытку ее развеселить, именно этого ей не хватало, забыть обо всем на несколько минут, отвлечься от своей боли. Но оказалось, что она неправильно поняла намерения своего партнера.

— А Йен смотрит на меня так, будто готов разорвать на куски, — подмигнул ей молодой человек и расхохотался, — он не отходил от тебя, пока ты болела, и видимо не выпустит теперь из рук, не забывай шотландцы — дикий народ, мы берем то, что хотим и считаем это своим!

С этими словами он схватил ее за талию и оторвав от земли закружил Натали, которая от неожиданности то ли вскрикнула, то ли пискнула, и наконец, рассмеялась. Этот смех шел от души, не отдавая себе отчета, она залилась смехом, звонким и чистым. Краем глаза все же увидев, как Йен поднялся, чуть не опрокинув стул, и направился к

ним.

— Что я тебе говорил! — Аотхэген тоже засмеялся и когда Йен подошел к ним опустил Натали на пол между ними и отступил на шаг от нее. На губах его играла все та же улыбка, «можешь говорить что угодно, но я уже все знаю». Йен повел девушку обратно к столу, и попытался то ли извиниться, то ли оправдаться за свой столь несдержанный поступок.

— Моим братцам только дай, они сразу начинают руки распускать, — проворчал он, еще больше нахмурившись.

Натали не знала, что и думать, Йен так и не отпустил девичью руку, и ей казалось, что его пальцы прожигают ее кожу до кости, она даже посмотрела, чтобы убедиться, что это не так, но Йен по — своему расценил этот взгляд и сразу отдернул свою руку.

— Мне чрезвычайно понравились твои родственники, и они меня очень радушно приняли, но сегодня был долгий день, и я бы хотела пойти спать. — Йен предложил проводить ее до комнаты, чтобы у него появилась возможность еще немного побыть с ней наедине и попутно задать вопрос: — Не хочешь съездить завтра покататься верхом? — спросил он таким тоном, как будто пытался отпугнуть ее, но у него это не получилось.

— С радостью, — ответила девушка, одарив

его очаровательной улыбкой, — до завтра Йен, — проговорила она и скрылась.

— До завтра, — произнес он уже в закрытую дверь, но как же было приятно слышать свое имя из ее нежных уст. Сердце его сжалось, это было одновременно и больно, и приятно. Что он такое творит, он ей чуть ли не в отцы годится! Надо все очень хорошо обдумать и не делать глупостей, а в ее присутствии у него словно мозги в сливки превращаются. И вот теперь, только раз услышав свое имя, он уже как баран готов стоять тут всю ночь и ждать, может она еще раз позовет его. Он ведет себя как влюбленный юнец! И еще глупее он начал себя чувствовать, когда понял, что его только что выгнали из собственной комнаты, пока Натали была без сознания, это не было проблемой, он имел доступ к своим вещам, а спал на стуле, подле нее, но вот сейчас, это казалось даже смешно. Он найдет, где ночевать и что носить, в конце — концов, он может попросить ее переехать в другую, свободную комнату. Но как приятно думать, что сейчас она лежит в его постели, обернувшись его одеялом, ее запах сохранится на его простынях. Отругав себя за это на чем свет стоит, он решил, что не допустит такой власти женщины над собой. Нет, он лэрда клана, никогда он ничего такого не чувствовал и не делал никаких глупостей, он всегда трезво оценивал ситуацию, и не видит причин это

менять.

Глава 3

Следующим утром Натали проснулась очень рано, она выспалась и была полна сил. Мод помогла ей одеться в зеленый с золотым костюм для верховой езды, все же большую часть вещей удалось спасти из пучины. Когда Натали вышла к конюшне, Йен уже был там и седлал лошадей.

— Доброе утро, — произнесла она и опять нежно улыбнулась.

— Доброе, — ответил Йен, и на его лице появилось подобие улыбки, которое он явно пытался туда не пустить, а девушка задумалась, что же изменилось со вчерашнего вечера, что заставило мужчину хмуриться?

Подсадив Натали в седло, он вскочил на своего огромного жеребца, и они не спеша тронулись, выехав за ворота. Девушка ощутила прилив сил от открывшегося перед ней простора. Бесконечные зеленые луга, между которых темнели пахотные земли, сбегали по невысоким холмам, дорога бархатной лентой вилась к их подножью, а потом будто в насмешку тонкой полосой поворачивала к морю. Шла по самому краю

каменистого утеса, о который снизу с грохотом разбивались волны. Подобного великолепия Натали еще не видела! Насыщенный зеленый, коричневый, небесно — голубой и темно синий цвет осеннего моря. Но и это было еще не все. Спустившись с очередного холма, путники въехали в лес, в тот самый, яркий лес. Сейчас, когда скупое осеннее солнце пробивалось своими длинными лучами сквозь кружевную, разноцветную листву у них над головами и нежно ласкала путников, Натали с удовольствием подставила ему свое лицо. Мужчина ехавший рядом, с удовольствием наблюдал за этой картиной. Натали прикрыла глаза, и подняла голову вверх, вытянув свою длинную, белую, словно фарфоровую, шею. Волосы золотым водопадом скатились по спине, подражая течению реки. Они так же ловили на себе солнечный свет и так же искрились в его лучах. Медленно затрепетали ресницы, а губы растянулись в улыбке, и все это великолепие обратилось к нему. У Йена просто перехватило дыхание.

— Спасибо, — произнесла она, почти неразличимым шепотом, как будто шорох листвы в нежных объятиях теплого ветерка.

Они проехали еще немного, и Йен показал девушке очаровательную полянку в самой чаще, по окраине которой пробегал быстрый ручей. На поляне росло огромное количество самых разных

цветов, и было ощущение, будто это восточный ковер с причудливым узором. Спешившись, Натали первым делом провела по ним рукой, а потом сорвала несколько и сплела себе венок. Ее пьянил чистый горный воздух. Суровая честная красота этих мест вторила характерам людей, ее населяющих. Все здесь дышало чистотой и непорочностью, воистину это был глоток свежего воздуха после Парижской жизни, где бал правили интриги и зависть. Йен устроился под большим деревом рядом с ручьем и с интересом наблюдал за девушкой. Закончив работу, она надела венок на голову и устроилась рядом с ним на разостланном пледе. Очарование этого простого поступка удивило девушку. Это было так неожиданно приятно, быть не титулом, фигурой в обществе, богатым приданым, а просто человеком, о котором будут судить исключительно по его поступкам. Здесь нельзя купить уважение, здесь не в фаворе распутство и вседозволенность, здесь люди живут своим трудом, и наслаждаются этим. Все это было для нее странно, но очень привлекательно. Натали всегда больше любила жизнь в поместье, нежели городскую суету.

— У тебя есть жених? — неожиданно спросил Йен.

— Нет, — честно ответила она, — несколько раз моего отца просили выдать меня замуж, но он

неизменно отвечал отказом, говоря, что еще не нашел подходящего для меня человека. А ты был женат? — с интересом спросила она.

— Да, — только и ответил он.

— А что с ней случилось? — тихо спросила девушка.

— То же что чуть не случилось с тобой, — море забрало ее и нашу маленькую дочку.

— Прости, мне так жаль, — ответила девушка, — давно это случилось?

— Два года назад, — сказал он, и теперь уже Натали взяла его за руку.

Это был совершенно необдуманый порыв, ей так хотелось, хоть что — то сделать для него, вернуть хоть частичку тепла, так щедро отданного ей ранее. Он был озадачен таким выражением чувств, но не стал ничего говорить, а просто сидел и наслаждался тем, как ее маленькая ручка, утопает в его огромной ладони.

— Ты проголодалась? — спросил он.

— Да, но я не хочу уезжать, здесь так красиво и так спокойно. — Ответила Натали, с грустью думая о возвращении в замок, ей было мало времени, проведенного с ним вдвоем. Она не хотела отходить от этого великана, хотела находиться так близко, как сейчас, когда она кожей чувствует исходящей от него жар, когда может держать его за руку.

— А кто говорил о том, что нужно уезжать, — лукаво спросил он и в его глазах запрыгали озорные искорки, — шотландец всегда сможет накормить себя и свою женщину.

С этими словами он поднялся одним мощным движением и исчез раньше, чем Натали успела хоть слово вставить по поводу «своей женщины». В его движениях присутствовала какая — то животная грация. Этот великан быстро, но плавно поднял себя на ноги, как мощный лев. Сложно было признаться себе, насколько захватывающим было для нее это зрелище, такое же захватывающее как то, когда он вскочил на своего коня, как волна находит на берег, легким и быстрым движением. Вернулся он достаточно быстро и с двумя кроликами. Пока Йен их освежевал, Натали собрала хворост для костра, и вскоре они вкусно поели. Девушка не забыла слова про «свою женщину», но решила вернуться к ним чуть позже. После еды они еще немного прокатились и к заходу солнца стали возвращаться домой. Натали хотела пустить кобылу галопом, но она, наотрез отказалась, обгонять коня Йена, что удручило девушку.

— Она не обгонит Пега, — пояснил он, видя ее старания.

— А можно мне тогда ту кобылу, которая не будет его стесняться?

— Она не стесняется, — объяснил Йен,

улыбаясь, — она боится. Он жеребец — боевой конь и может укусить, если она выйдет вперед, вот она и боится. Если хочешь, можем завтра съездить прогуляться на развалины старой крепости, они находятся на самой вершине горы, и оттуда великолепный вид на море. — Предложил он, неуверенно.

И снова девушка радостно согласилась. Что угодно, только бы быть с ним рядом — эта мысль заставила ее слегка смутиться, но она отбросила ее и решила, что пока сможет, будет наслаждаться его обществом.

Так прошло несколько дней. Пока стояла хорошая погода они ездили на прогулки, возвращаясь в замок только под вечер. Но где-то через неделю таких поездок и экскурсий по красивейшим местам горной Шотландии Йену напомнили, что у него полно неотложных дел, и он извинившись остался в замке разбирать междоусобные споры и решать вопросы по поводу заготовки продуктов на зиму. Натали ничего не оставалось делать как пойти бродить по двору и ноги сами привели ее в конюшню. Задумавшись, она оседлала молодого жеребца понадеявшись на то, что он будет порезвее той кобылы, которую выделил ей Йен. Жеребец явно нервничал, фыркал и бил копытом, давая понять, что не желает выполнять ее распоряжения. Что бы успокоить

норовистое животное, девушка начала тихонько напевать колыбельную на французском. Старинная песенка, полилась, как перезвон колокольчиков, легко и мелодично, возможно и не от этого, но конь успокоился, а девушка быстро справилась с задачей, вывела его во двор, и осторожно устроившись в седле, медленно поехала к воротам. Поприветствовав часовых, она приветственно махнула им рукой, и выехала из замка. Тут на просторе можно было дать свободу себе, и конь полетела как молния. Через минуту лента в ее волосах ослабла и слетела, это привело девушку в еще больший восторг, она только поддала жеребцу и рассмеялась, как же было хорошо, наконец — то почувствовать полную свободу, только простор и ветер в волосах. Обведя взглядом, прекрасный пейзаж, девушка еще раз набрала полную грудь воздуха, ей так хотелось кричать, от восторга, от свободы. Деревья проносились мимо, золотой и багряный сверкали в уже потемневшем от обнажившихся ветвей лесу. Ее путь преграждал тонкий ручеек, но конь легко перепрыгнул его и Натали еще раз рассмеялась. Но она не знала, что наблюдавшие за этой картиной стражники, в паники побежала искать Рэфа. Йен, услышав, что учудила Натали, бросился к Пегу, которого конюх еще не успел оседлать, но отсутствие седла беспокоило его меньше всего.

Натали летела как молния, низко пригнувшись к шее коня, ей хотелось, чтобы он скакал еще быстрее, но его копыта и так едва касались земли, и это приводило девушку в восторг. У нее не было конкретной цели для поездки, она просто неслась по полям и холмам, по самой кромке обрыва, это было одно из ее любимейших мест. Здесь, проходила узкая тропа, ведущая от бокового входа в замок выше в лес, и дальше шла в обход горы. Но этот отрезок был самым живописным — замок Йена стоял на отвесной скале, а перед ним были луга и поля, которые специально освободили от леса, дабы видеть приближение неприятеля. Ветер развеивал ее волосы тяжелым золотым шлейфом. Словно древнегреческая богиня она неслась на фоне темного моря, радуясь предоставленной возможности. Но внезапно все это закончилось.

Услышав рядом с собой тяжелый конский топот, Натали повернула голову и увидела перекошенное лицо Йена, который изо всех сил пытался ее догнать. Девушка лучезарно улыбнулась и никак не могла предугадать его следующий поступок. Йен, поравнявшись с ней, одной рукой легко вытащил девушку из седла и уже в следующее мгновение она оказалась на Пеге прижатая к мощной груди мужчины. Ее конь, оставшийся без седока, начал замедлять бег. Как только они остановились, Йен спрыгнул на землю и

стацил Натали за собой. Его прекрасные глаза цвета шоколада стали почти черные, а лицо перекосило злобной гримасой так, что Натали хотела отшатнуться.

— Что ты творишь? — потребовал он ответа и встряхнул ее за плечи.

— Я не понимаю, почему ты злишься, — честно призналась девушка, еще сильнее пугаясь, — я просто каталась и пока ты не появился, мне было очень весело. И отпусти меня, мне больно. — С обидой сказала она.

— Тебе будет больно, когда ты свернешь свою тоненькую шейку! — закричал Йен и невольно поглядел на мягкий изгиб ее шеи, — ты что не знаешь, на какой кобыле тебе разрешалось выезжать? Почему ты взяла не приученного к седлу жеребца? Его пригнали только на прошлой неделе, и я еще не успел объездить, а других он сбрасывает, одному даже руку сломал. И почему ты поехала одна, где Рэф? Он должен сопровождать тебя, когда ты выходишь за стены замка.

Такая отповедь разозлила Натали, и она решила прояснить ситуацию:

— Во-первых, — начала она, — конь вел себя идеально спокойно, во-вторых кобыла, которую ты мне выделил не приемлет скорости выше шага, а в-третьих ты ничего не говорил о том, что я должна была брать с собой еще кого-то на прогулку.

Йен так испугался за нее, что лицо еще оставалось злым и сосредоточенным, а руки все еще сильно ее сжимали. Он не стал дальше спорить с ней и просто прижал к себе. Прижал с такой силой, что девушка испугалась, от таких объятий у нее ребра могут не выдержать.

— Когда прибежал Клайд и сказал, что ты взяла эту дикую зверюгу, и что похоже тебя понесло, я безумно перепугался. Я еще никогда так не боялся, — честно признался он, продолжая поглаживать Натали по голове и все еще сильно прижимая к себе.

Несмотря на крик, Натали было приятно знать, что он испугался из-за нее, чувствовать себя прижатой к его огромной груди. Она не доставала ему и до плеча, а когда он обнял ее, совсем потерялась в его огромных руках. И что самое удивительное, ей стало так хорошо и спокойно с ним, у нее было чувство, что она вернулась домой после долгого, долгого путешествия, вновь оказалась в родных стенах. Девушка подняла на него полные счастья глаза, цвета морской бездны и ее губы тронула легкая улыбка. Йен поймал ее взгляд, потом посмотрел на ее пухлые губы, чуть приоткрывшиеся в улыбке и не смог удержаться от соблазна, прильнуть к ним со всей страстью, накопившейся в нем с той самой первой минуты на берегу моря, когда понял, что она жива. Сперва он

сминал ее губы почти жестоко, но потом злость начала покидать его как по волшебству, и он начал нежно целовать девушку, прося открыться для него. Он провел по ее нижней губе кончиком языка и слегка надавил, и она раскрылась на его просьбу. Большого приглашения ему было не нужно, он скользнул в теплоту ее рта и осторожно начал его исследовать, ласкал ее язык, и уже через минуту она осмелела и принялась отвечать на его ласки. Руки Йена блуждали по ее спине, по волосам нежно маня к новому и неизведанному. Этот поцелуй мог бы продолжаться нескончаемо долго, если бы их не прервали громким кашлем, возможно начинавшим свою жизнь, как смех. Оторвавшись от губ Натали Йен уставился на непрошенного гостя, не выпуская девушку из кольца своих рук.

— Что тебе? — рявкнул он на Рэфа, отчего девушка вздрогнула в его объятиях, а Йен еще раз выругал себя, что опять напугал ее.

— Дозорный прибежал и начал кричать, что леди Натали уехала на необъезженном жеребце прибывшим на прошлой неделе и я решил отправиться ее выручать, не доехав немного до вас, увидел, что он один спокойно щиплет травку, и перепугался, что он сбросил нашу маленькую леди. Но сейчас я вижу, что даже если он ее и сбросил, то кто — то другой уже подобрал. — Хохотнул он.

До Натали начал доходить смысл слов,

сказанных Рэфом, и она попыталась отстраниться от Йена, но он не только не отпустил ее, но и сильнее прижал, так, что девушка чуть не задохнулась.

— Думаю, что до замка мы доберемся на моем коне, — сказал Йен, подмигивая Натали. Он легко запрыгнул на коня и усадил ее рядом с собой, — а ты отведи коня обратно в конюшню, — велел он Рэфу. — А тебя, — обратил он взгляд, полный праведного гнева на девушку, — я больше не хочу даже близко видеть с этим дьяволом, — произнес Йен, нависая над Натали, но она только вздернула носик и отвернулась от него, чем вызвала новый взрыв смеха у старого шотландца.

— Похоже, они нашли друг — друга, и характер у нее не такой покладистый, как тебе сперва показалось.

Йен пропустил его слова мимо ушей и слегка нагнувшись быстро провел губами по кончику ее носика, рассмеялся и не спеша направил Пега к замку. Натали никогда не ездила без седла, тем более на таком огромном жеребце. Йен прижимал ее к своей груди, фактически только он и удерживал девушку на хребте животного. Это ощущение полной зависимости от его сильных рук взволновало девушку сильнее, чем она бы могла подумать. Несмотря ни на что сердце Йена пело, желание ощутить сладости ее губ сводило его с ума,

но теперь, познав однажды, сможет ли оторваться от них. Кажется, он уже знал ответ, иначе не болела бы душа при одной мысли, что она уедет. Но почему же она еще этого не сделала, почему так прижималась к нему и отвечала на его поцелуй? Может ли он надеяться на рай со своим маленьким ангелом?

По приезду в замок Натали увидела озабоченное лицо Мод. Йен спустил ее на землю, пристально посмотрев в глаза, от этого взгляда к щекам начала приливать краска, а ноги предательски подкашиваться. В этих глазах было обещание, была мольба, и был дьявольский огонь предвкушения. Как же ей хотелось немедленно кинуться ему на шею, обвить, впиться поцелуем, так же как до этого впился он, сгореть в огне его страсти и как феникс восстать из пепла. Почему ей казалось, что этот мужчина может вылечить все ее душевные раны, и подарить смысл жизни, который она, казалось, утратила вместе с гибелью отца.

Глава 4

— Как могла эта дрянная девчонка так со мной поступить! — кричал он в бешенстве, — Эдвин, немедленно ко мне! Ты что не слышишь?

Все в замке знали, что, когда лорд Генри в таком состоянии к нему на глаза лучше не попадаться, но у Эдвина Чатерса не было другого варианта, кроме как предстать перед разгневанным отцом. Он появился в богато украшенной столовой с нарочито спокойным выражением лица.

— Доброе утро, отец, плохие новости? — кивнул он на письмо, которым размахивал лорд Чатерс.

— Плохие? На самом деле не сказал бы, — хитро усмехнулся отец, — помнишь эту маленькую мерзавку, Натали Думас? На свете есть справедливость, они с отцом попали в бурю, и их жалкая шлюпка затонула, так что в живых осталась только девчонка, и теперь я становлюсь ее опекуном, а ты можешь беспрепятственно на ней жениться.

— В чем же тогда проблема, отец, — так же флегматично продолжал Эдвин.

— Она выжила в кораблекрушении, находится в Шотландии у какого-то неотесанного дикаря, и я узнаю об этом случайно, от управляющего ее именем, потому что он спрашивает, как связаться с леди Натали! Это невысказано! Она там уже три недели, оттуда пытается вести свои дела во Франции, не явилась к нам на свадьбу твоей сестры и теперь пытается ускользнуть из-под моей опеки. Я не позволю ей там оставаться, мне нужно срочно

узнать у кого она там живет. Подумать только, жить у этого грязного животного, наверняка он уже ее обесчестил, и она от него понесла. Если бы не ее земли, я бы даже не плюнул в ее сторону!

— Так что же мы будем делать, отец? — на той же ноте, что и прежде спросил Эдвин.

Он вообще был достаточно странным юношей, немного не от мира сего, и, если бы у Генри были другие сыновья кроме него, отец вообще не обращал бы на него внимания.

Но у него три дочери и это ничтожество, а значит надо его женить, продать подороже титул и положение в обществе. Вопрос только в том, что делать с наследниками, уже не придется ли стараться самому, с гнусной усмешкой подумал Генри Чатерс. Эдвин не был уродом, и даже пользовался успехом у женщин. До того момента, когда они начинали понимать, что его безразличие отнюдь не напускное и его бледно — голубые глаза — на самом деле белесые и безжизненные, светлые волосы его были как будто выцветшими, черты лица тонкие, но мелкие и как будто их было слишком мало на его большом овальном лице. Характер у него был спокойный и покладистый, даже флегматичный, чем он неизменно раздражал своего горячего и вспыльчивого отца.

— Мы немедленно пошлем людей отыскать ее и доложить, где она находится, а потом заберем ее

домой, и сыграем вашу свадьбу! Да, — ответил сам себе Генри, — это замечательный план, вопрос в том, что если она уже носит шотландского ублюдка? Но и это поправимо, свадьбу откладывать не будем, а после ее все равно никто не увидит, — проговорил он и плотядно сверкнул глазами.

Этой же ночью в Шотландию выехал человек, зная примерное место кораблекрушения, ему надо было только убедиться, что леди Натали Думас действительно живет в замке клана МакАрок.

Глава 5

— Я не понимаю тебя, Мод, — проговорила Натали, — чем опять ты не довольна? Я списываюсь с управляющим и веду дела отсюда, дома все хорошо, а ты все равно не довольна! Объясни мне, чем?

— Я не довольна тем, что вы ни строчки не написали лорду Чатерсу. Он может начать вынюхивать и узнает, что одна юная леди живет в одном шотландском клане, с пятью мужчинами под одной крышей и до сих пор находится не замужем. — Назидательно произнесла Мод, а Натали поежилась от ее слов.

— Ах, оставь, между мной и этими пятью

мужчинами ничего нет, и тебе об этом хорошо известно, а управляющему я написала, что гощу у своих шотландских родственников. Он же не знает, что таковых на самом деле нет, так что тебе не о чем беспокоиться.

— Ах, не о чем! А как же понимать ваши почти ежедневные прогулки с лэрдом Йеном? Не забывай, он не рыцарь, у них тут другие обычаи, он может забрать тебя себе и не быть с тобой в законном браке, что ты на это скажешь?

— Скажу, что у Йена самые что ни на есть чистые помыслы, — с легкой грустью произнесла девушка, что не укрылось от ее служанки, и та в свою очередь, покачав головой продолжила.

— А если не Йен, а один из его дражайших братцев решит оставить вас в качестве сувенира, что тогда? — Не унималась Мод. — Я с вами с самого рождения, я заменяла вам мать, и очень люблю вас моя госпожа. Но одумайтесь! Возможно нам стоит отправиться домой и выйти замуж, а не то ваш дядюшка до нас доберется. Или не приведи господь, его светлость Карл восьмой не прознал бы, что есть юная сиротка с обширными владениями и не устроил бы для вас «выгодную партию».

— Да. Мод, все так, но я не могу уехать отсюда. Не сейчас, когда я так полюбила этих людей. После смерти отца я почувствовала себя здесь как дома, дай мне хоть немного насладиться

этим чувством, пока я опять не отправилась на борьбу с ядовитыми гадами.

Не выдержав такой прямоты, Мод обняла свою госпожу, прижала ее к груди и как в детстве начала гладить по голове и покачивать из стороны в сторону, а про себя думала, — что же делать? Час, когда ее вырвут из этого спокойного и умиротворенного состояния не за горами.

Прошла еще неделя с последнего разговора Натали с Мод, и Йен опять пригласил девушку на очередную прогулку, ставшую почти ежедневным ритуалом. Сегодня Йен предложил поохотиться и немного прогуляться. Несмотря на то, что ночью выпал снег, он ответил, что это никак не отражается на крепости шотландского духа, а вот французский дух, чтобы не замерзнуть, может одеться потеплее. Девушка послушала его и облачилась в теплый, темно — синий костюм для верховой езды, отороченный каракульчой, и плащ с кроличьим подбоем. Сочетание цветов выгодно выделяло и подчеркивало природную голубизну глаз, а сапфировый цвет бархатной амазонки как нельзя лучше это дополнял. Йен смотрел на Натали такими же недоверчивыми глазами, как в первый день, когда увидел. Он все еще не мог поверить, что она реальна и вот сейчас едет рядом с ним, звонко смеясь над очередной его шуткой. Только он не умел шутить, а она и это находила забавным, и

самое страшное, что, когда на него смотрели ее бездонные глаза, сердце этого могучего война пропускало удар. Если Натали так и будет смеяться, они не поймут ни одной живой души, подумал Йен. Ну и пусть, он на эту охоту поехал не за пропитанием, а только для того, чтобы побыть с ней наедине. Ему доставляли огромное удовольствие их прогулки, Натали оказалась замечательной рассказчицей, и он уже мог представить себе ее жизнь в имении Думас, как будто побывал там лично. Он же говорил немного, в основном отвечая на ее вопросы, и иногда чувствовал себя древним старцем рядом с этим нежным и непосредственным ребенком. Однако, были у них и общие черты. Натали так же, как и Йен видела только два цвета: черный и белый. Для нее было только добро и зло. Добро она видела вокруг себя во всем, а со злом пока не сталкивалась. Йен же напротив сталкивался слишком часто, о чем наглядно свидетельствовали его шрамы, и не только физические. Они были такие разные, — он такой сдержанный, даже угрюмый, и этот восторженный ангел, способный своей теплой улыбкой осветить все вокруг. А он так нуждался в этом тепле, так же как она в его спокойствии.

— Как ты думаешь, Йен, — весело щебетала Натали, — мы увидим сегодня хоть одно животное?

И именно в этот момент на опушку полянки

где они остановили коней вышел дикий вепрь, и судя по крови на его морде и боку — подранок. Всегда спокойная кобыла Натали учуяв свежую кровь начала нервничать и вставать на дыбы. Натали пришлось приложить все свое умение, чтобы усмирить животное. Но кабан не стал ждать, с невероятной скоростью он приближался к девушке. Далее все случилось так быстро, что Натали почти не успела испугаться. С диким криком Йен оттолкнулся от лошадиного хребта и бросился на зверя, приземлившись ему на спину он вонзил меч в основание шеи. Животное издало предсмертный визг и упало на землю буквально в метре от наездницы, а на снегу начала растекаться алая лужа крови. Подойдя к Натали Йен не стал снимать девушку с лошади, а просто посмотрел в ее расширившиеся от испуга глаза.

— С тобой все в порядке? — шепотом произнесла она.

Йен обнял ее за талию и положил голову на колено, — со мной все хорошо, скажи только, почему всякая опасность выбирает именно тебя? — Пользуясь моментом, девушка запустила руки в его густые волосы, и решив не обижаться на это замечание, Натали только рассмеялась: — Потому, что меня защищаешь ты, — ответила она и посмотрела в его глаза. Йен все же не смог удержаться, стянул девушку с лошади и крепко

обнял, а затем осторожно начал приближаться губами к ее губам, сердце Натали затрепетало, после последнего проявления его чувств прошло уже так много времени, он что же собирается целовать ее только, когда ей грозит опасность? Оскорбившись этим предположением, Натали обвила руками его шею и притянула к себе лицо, а затем отдала всю себя ему и этому поцелую. Йен отстранился первым, Натали обмякла в его руках и тяжело дышала, голова ее кружилась, мысли путались, а губы горели. Но ей хотелось чего — то большего, хотелось, чтобы этот поцелуй никогда не заканчивался, хотелось объятий еще теснее и жарче, хотелось того, что боялась получить, но так желала. Открыв глаза, она увидела улыбку Йена, немного самодовольную, но такую милую, такую уже любимую. Она осторожно дотронулась до его губ, а он нежно поцеловал каждый ее пальчик, и опять волна жара прокатилась по всему ее телу заставляя содрогнуться.

— Нам пора возвращаться, я не хочу встретиться с тем, кто подрал этого кабана, — тихо произнес Йен, и Натали с грустью отстранилась от него.

— Да. Наверное, ты прав, — сказала она.

Услышав в ее голосе печальные нотки, Йен был на седьмом небе от счастья. Он понял, что она так же, как и он не хочет прерывать этого момента

уединения, что не хочет возвращаться с ним в замок, где они опять будут у всех на виду. Но с другой стороны, он взрослый мужчина, ему двадцать семь, а ей едва исполнилось семнадцать, он не мог просто протянуть руку и взять то, чего так сильно желал, нет! Ему надо думать о его клане, о благополучии его людей, а не о нежных губах и ласковых руках Натали Думас. Подсадив девушку обратно в седло, Йен приторочил тушу убитого кабана к своей лошади, и они поехали обратно к замку. Возвращение, однако, не было гладким. Прибыл гонец из Англии с сообщением для леди Думас, в котором ее дядюшка выражал негодование по поводу ее отсутствия в объятиях «их дружной семьи» и заверял Натали, что буквально через день — другой приедет лично в замок МакАраков с целью воссоединения семьи после столь трагической потери. Письмо выпало из рук Натали, а нежный румянец, который появился от терпкого морозного воздуха, покинул лицо. Увидев это Мод сразу начала допрос от кого было письмо, а Йен схватился за рукоять меча и думал, как бы незаметно увести гонца, чтобы задать ему свои вопросы. Ему была ненавистна сама мысль, что-кто-то может так быстро и так сильно расстроить девушку, которую он поклялся защищать.

— Генри, — только и смогла выдохнуть она.

— Когда? — жестко потребовала ответа Мод.

— Может уже завтра, может через день. Он узнал, что я здесь и явится забрать меня.

— Может не стараться, — отвели Йен, — я никому тебя не отдам.

Натали подняла не него полные боли и обожания глаза.

— Он мой опекун по закону, и имеет право забрать меня и выдать замуж за своего недотепу — сына, что он пытается сделать уже очень давно. Пока был жив отец, он не разрешал этот брак, а теперь его ничто не удержит, — Натали закрыла лицо руками и постаралась сдержать подступившие к горлу слезы.

— Пойдем, — сказал Йен, хватая ее за руку и не дожидаясь ответа, куда — то потащил, — зачем он хочет это сделать? — поинтересовался мужчина, не сбавляя шага.

— Земли. После смерти отца, все переходит ко мне, а это много денег.

Он так резко остановился, что девушка налетела на него, путаясь в длинных юбках, которые не были рассчитаны на бег и резкие остановки. Йен взглянул в ее лицо: глаза покраснели, носик чуть припух, но больше всего его выводил из себя ужас, стоящий в ее глазах. В этих огромных, бездонных глазах, в которых ему так хотелось утонуть.

— Мне не нужны твои земли, — сказал он и пошел дальше, а Натали безвольно болталась за ним. Можно было возмутиться и попробовать остановиться, но девушка боялась, что в подобном случае рискует просто упасть. Но вот их путешествие закончилось, и подняв глаза, она увидела резные двери и распятие над ними. Он привел ее в церковь? Не теряя зря времени, Йен открыл дверь и впихнул туда Натали.

— Святой отец, — позвал он, — вы нам сейчас очень нужны.

— Да сын мой, чем могу вам помочь? — Улыбнулся священник, но, когда увидел суровое лицо лэрда, и заплаканное Натали улыбка оставила его.

— Нам надо обвенчаться, срочно.

— Что? — только и успела сказать Натали, когда Йен дернул ее за руку.

— Невеста не уверена, — спросил священник, не прерывая подготовки к обряду.

— Уверена, святой отец, не сомневайтесь.

Тут в двери вбежала запыхающаяся Мод, а за ней Рэф, оба были обеспокоены происходящим. Сперва они просто решили посмотреть куда Йен тащит Натали, и увидев церковь, сообразили, что лэрд собирается решить проблему единственным законным способом. Правда неизвестно, насколько законным будет принуждение к браку, но спорить с

ним в эту минуту никто не решился. Рэф мог только позвать братьев и сестру Йена. Мод же взирала на все происходящее с опаской, она давно мечтала заполучить в защитники своей подопечной этого воина, но надеялась, что молодые подойдут к этому решению не по необходимости, а по взаимной симпатии, которая столь явно между ними присутствовала, но которую они так старались не замечать.

Натали не могла поверить, что это происходит с ней, на самом деле. Она выходит замуж, но за кого? За человека, которого она любит. И как только в ее голове прозвучали эти слова, сомнения покинули девушку, взгляд стал уверенный, а на губах заиграла торжествующая улыбка. Йена поразила эта перемена, он ожидал всего, что угодно, но только не этого. Они женятся, нет, он заставляет ее выйти за себя замуж, а она улыбается, улыбается так, будто это самый счастливый день в ее жизни. Йен отказался понять женщину, которая стоит с ним перед алтарем, к черту, он отказался понять всех женщин. Но тут его внимание отвлекли вбежавшие в церковь родные, он бросил на них красноречивый взгляд, говоривший, лучше любых слов. Однако, никто не собирался им мешать, напротив, «гости» сели на первую скамью и пока священник готовился сочетать браком молодых, улыбались. Давина подошла к Натали под тяжелым

взглядом брата, надела девушке на голову шляпку с вуалью, а когда закончила скудные приготовления невесты, обняла ее и поцеловала. Церемония была краткой, но не скомканной, проведена была по всем правилам и с полной торжественностью присущей моменту. Когда священник спросил невесту о добровольности ее желаний и готовности соблюдать святыя обеты, она торжественно сказала: «ДА!» и еще раз ослепительно улыбнулась, а дорогие братцы радостно завопили. Из церкви они направились в главный зал, где стараниями Мод уже накрыли к праздничному ужину. Подойдя к замку, они увидели, что перед ним собрались почти все члены клана, и Йен по-хозяйски обняв молодую супругу, радостно представил ее своим людям уже в новом качестве. Девушку сразу оглушили восторженные крики, теперь уже ее соплеменников. Все поздравляли молодых и были действительно счастливы такому повороту событий, и только тут Натали решилась украдкой посмотреть на лицо Йена, в церкви он был серьезен, но и только, лицо его практически ничего не выражало. Сейчас на нем угадывалась легкая, но довольная улыбка. Неужели он рад, действительно рад, что они поженились? Она легонько тронула его за руку, которой Йен обнимал ее и поймав его взгляд тихонько спросила: — Ты рад?

Его лицо озарила полноценная улыбка и глаза

заискрились счастьем, — Я рад. — Это все, что он произнес в слух. Воины клана присягали на верность жене лэрда, опускаясь на одно колено и втыкая свои ножи в землю, тем самым давая понять, что отныне их оружие принадлежит и ей. Женщины обнимали или просто дотрагивались до Натали, и среди этого всеобщего веселья Йен смотрел на свою молодую жену и думал, как же она до сих пор не понимает, как он счастлив? Да он почти готов кричать на весь мир, что он самый счастливый человек на свете! Все что он хотел — он смог получить, все из-за чего волновался — решилось само собой! А самое главное, после церемонии он понял, что его чувства к Натали взаимны. Это было намного больше того, о чем он молил Бога и о чем позволял себе мечтать. Но надо показать его молодой жене, как он дорожит ей и этим моментом, Йен быстро ее поцеловал и повел в замок. Когда Гэвин начал играть, а Давина петь, Натали лукаво подмигнула супругу, после чего его лицо вытянулось в недоумении, а она зашлась радостным смехом. Это не укрылось от остальных собравшихся, но вопросы они решили пока не задавать, а посмотреть на развитие событий между этой парочкой. Много позже, когда празднества закончились, а вместе с ними, веселые песни и пляски, настало время подниматься в комнату. Йен взял Натали за руку и прошептал ей на ушко: —

поднимайся, я сейчас подойду. После этой фразы она начала нервничать. Конечно, она несомненно знала об этом аспекте замужества, но почему-то не думала, что он наступит так сразу и уйдя в свои мысли не торопясь поднялась к себе в комнату, где ее встретила Мод.

— Что случилось девочка? Ты из-за его светлости так распереживалась?

— Нет, Мод, из-за Йена, — ответила она.

— А что из-за него переживать то?

— Ну, мы с ним вроде как поженились и сейчас вроде как наша первая брачная ночь, — смущенно проговорила Натали, боясь даже поднять глаза на старую кормилицу.

Минуту стояла полная тишина, после чего Мод пробурчала, что может это и к лучшему, а потом предложила ей подготовиться к приходу супруга. Только сейчас до Натали начал в полной мере доходить смысл содеянного, она безумно испугалась. Отец никогда не говорил ей, что происходит между мужем и женой в столь интимный момент, а из разговоров горничных все было очень туманно. Мод помогла Натали раздеться и лечь под одеяла, под которыми та начала дрожать, несмотря на более чем теплый воздух в комнате. Но вот дверь открылась и на пороге появился Йен, девушка уже в открытую паниковала. Какой же он огромный, широкие плечи

занимали собой весь дверной проем, грудь его вздымалась от тяжелого дыхания. Он отошел в сторону выпуская Мод, которая не упустила момента подмигнуть, почти потерявшей самообладание воспитаннице. Йен закрыл дверь и не спеша направился к кровати, присел на край и развязал плед. Оставшись в одной рубашке, он лег на кровать рядом с женой. Заглянув в ее необыкновенные глаза, доверху наполненные страхом, он чуть не отпрянул.

— Тебе понравилось, когда я целовал тебя, там, на поляне? — спросил он, нежно накручивая на палец прядь ее золотых волос.

— Да, — чуть слышно пролепетала девушка.

— Тогда чего ты боишься сейчас?

Натали не смогла ответить, только продолжала смотреть на него глазами испуганного олененка, отчего Йен немного усмехнулся.

— Можно я просто поцелую тебя, ничего больше? — серьезно задал он вопрос.

— Да, — так же полу выдохнула Натали.

Его губы медленно приблизились к лицу девушки и легким движением прошли по ее губам, он немного отстранился, ожидая ее отклика на небольшую ласку. Руки, сжимающие одеяло, чуть расслабились, а голова девушки чуть подалась вперед, следуя за ним, большего пока ему было не нужно. Придвинувшись к ней ближе, Йен нежно

положил руку на затылок, привлекая к себе и начал нежно целовать. Легкие прикосновения его губ дразнили, язык обводил контуры ее рта, не совершая попыток проникнуть внутрь, пока она сама не открылась ему навстречу с легким выдохом. Его язык скользнул внутрь ее рта, они сплелись в страстном поцелуе, отчего одна рука девушки переместилась на его плечо, нежно притягивая к себе. Натали не заметила, как оказалась сидящей у Йена на коленях, а его руки исследовали нежные изгибы ее тела. Восторг от нежной девичьей кожи, такой горячей и податливой, под его прикосновениями, пьянил разум сурового шотландца. Голова Натали тоже начала кружиться от поцелуя. Губы Йена двинулись ниже, нежно прокладывая дорожку к мочке уха, которую он поцеловал и к ее удивлению слегка прикусил, чем вызвал стон одобрения. От уха он начал процеловывать дорожку по нежной лебединой шее, которую она уже выгибала навстречу его губам, ниже, туда, где пока находился край одеяла. Проведя языком по ее ключицам, он начал спускаться, к ее груди, отчего вздохи стали более шумными и прерывистыми. Уложив жену обратно на кровать, он осторожно отодвинул одеяло лишь настолько, чтобы позволить своим губам продвинуться и достичь желанного возвышения ее груди. Расположив одеяло на

прелестном животике, он начал медленно целовать ее груди, по кругу приближаясь к нежной розовой вершинке. Когда его ласки дошли до долгожданного бутона, с припухших губ сорвался стон, а сосок совсем затвердел, жажда поцелуя. Йен слегка лизнул самый кончик соска, чем вызвал еще один стон. Не понимая, чего она хочет, Натали стремилась к большему, чтобы это ни было, ей нужно было еще, и ее рука, все еще лежавшая на его мускулистом плече начала придвигать его к себе, ближе. От такого приглашения он отказаться не смог и со всей страстью прижался к нежной груди, накрыв ее своим ртом, горячим и жадным. Вбирая плоть, посасывая и нежно покусывая, чуть потянув на себя, одновременно, то же самое проделывая рукой с другим соском. Девушку охватил жар, которого она раньше не знала. Внизу живота начало накапливаться странное тепло, а от его рук это тепло быстро превратилось в пылающий огонь. Йен нежно провел рукой по шелковистой коже девушки, исследуя точеную фигуру, спускаясь по ее бедру. Он осторожно обхватил ногу девушки и согнул ее в колене, продолжая блуждать по ней от щиколотки вверх, по икре, к колену, а когда дошел до внутренней стороны бедра, по телу девушки прошла дрожь и новый стон сорвался с ее губ. Но этот был уже совершенно другой, требовательный, заставляющий продолжать исследовать ее нежное и